

УДК 811.22'27
DOI 10.20339/PhS.6-25.020

Шафаги Марьям

«Зеленый» как зеркало иранских лингвокультурных представлений

В работе проведен сопоставительный анализ метафорических значений прилагательного «зеленый» в русском и персидском языках. На материале устойчивых словосочетаний и идиоматических выражений показано, что во всех рассматриваемых языках прилагательное «зеленый» сохраняет свое прямое значение, связанное с цветом природы: зеленые листья, зеленые луга, зеленые холмы, а также приобретает широкий спектр переносных значений. К числу общих метафор относятся обозначения незрелости (неспелый плод), неопытности (молодой человек), отрицательного эмоционального состояния (зеленая зависть, зеленая тоска), а также болезненности (зеленое лицо). Кроме того, сопоставление выявляет наличие сходных экологических и технических значений, связанных с терминологией защиты окружающей среды (зеленый патруль, зеленая партия) и сигнальными системами (зеленый свет). Таким образом, выявлены как универсальные, так и уникальные особенности концептуализации цвета в разноязычных культурах, отраженные в языке и метафорике. В персидском языке зеленый цвет широко используется в метафорах с частями тела и лицом, формируя устойчивые выражения с положительной и отрицательной смысловой нагрузкой. Эти метафоры отражают как пожелания благополучия, так и характеристики человека, связанные с удачей или неудачей.

Ключевые слова: лингвистика цвета, метаформа, зеленый цвет, цвет природы, цвет незрелости, цвет болезненности, разрешающий цвет

The present study offers a comparative analysis of the metaphorical meanings of the adjective 'green' in Russian and Persian. Based on stable word combinations and idiomatic expressions, it is shown that in both languages, 'green' retains its primary meaning associated with the color of nature — green leaves, green meadows, green hills — while also acquiring a wide range of figurative meanings. Shared metaphors include references to immaturity (unripe fruit), inexperience (a young person), negative emotional states (green envy, green melancholy), as well as signs of illness (green face). Furthermore, the comparison reveals the existence of similar ecological and technical meanings related to environmental protection terminology (green patrol, green party) and signaling systems (green light). Thus, the analysis uncovers both universal and unique features of color conceptualization in different linguistic cultures, which are reflected in language and metaphor. In Persian, the color green is extensively used in metaphors involving body parts and the face, forming stable expressions with both positive and negative connotations. These metaphors reflect wishes for well-being as well as characteristics of a person associated with good or bad fortune.

Keywords: color linguistics, metaform, green color, color of nature, color of immaturity, color of morbidity, permissive color

В результате междисциплинарных исследований в области цвета в языкознании сформировалось новое направление — лингвистика цвета [7. С. 52–71], — в рамках которого выделяются фундаментальные и прикладные подходы: эволюционный, психолингвистический, когнитивный, лингвокультурологический, сравнительный, этнолингвистический, терминологический, институциональный и онтологический. Это позволяет рассматривать цвет не только как физико-химическое явление, но и как сложный социокультурный и когнитивный конструкт, отражающий специфику мировидения носителей языка [6. С. 200–202]. Выражение эмоций возможно как с помощью вербальных средств разных цветов, в том числе *зеленого* в данном случае, так и невербальных средств (*позеленение лица*) [11. С. 165]. Основным вербальным средством выражения цветообозначения *зеленый* в русском языке является прилагательное. Однако данный цвет может выражаться и другими частями речи: существительными (*зеленость*), глаголами (*зеленеть*), наречиями (*зелено*) [5. С. 47–49]. Название цвета может образовываться с помощью согласованного определения *зеленые леса*; в рамках металексемы цвета с определением (сочетание существительного-металексемы *цвет, оттенок* с определяющим существительным в родительном падеже) *цвет зелени*; с помощью признакового существительного (слова, обозначающего сам признак цвета) *зеленость* [1. С. 289–290].

Ключевые концептуальные значения «зеленого цвета» в русском и персидском языках могут быть структурированы следующим образом.

1. Ассоциация с природой и зеленью. Зеленый цвет выступает символом природы, роста и обновления. Он ассоциируется со снижением стресса и тревожности, а также с целительным воздействием [12. С. 52], часто используется в метафорах, связанных с экологической тематикой и позитивными изменениями. Например, выражение *зеленые побеги* выступает символом экономического восстановления, предвещающая благоприятные тенденции в экономике и демонстрируя редкое проникновение биологических терминов в экономическую метафорику.

«Зеленый» символизирует естественный мир, наглядно отражаясь в таких образах, как деревья, трава, цветущие растения и в целом окружающая среда [9. С. 133]: *зеленая ограда, зеленые луга, зеленые холмы, зеленые листья, зеленые просторы, зеленые леса, зеленые сады, зеленые берега* и др. [1. С. 289].

Зеленый цвет служит подходящим символом свежести и жизни; благодаря широкому распространению в природе он олицетворяет плодородие, новизну, безопасность и благополучие [14. С. 21]. В персидской лингвокультуре синонимом выражения «зеленая трава» выступает существительное, образованное от цвета «зеленый» — *sabzeh* (зелень) [24. С. 851].

2. Неопытность, молодость (для человека) и незрелость (для фруктов). *Неопытность, молодость (для человека)* — персидская фразеология «Он еще сырой и зеленый!» употребляется относительно человека, который не обладает достаточным жизненным опытом или навыками. В русском языке можно выделить общую фразеосемантическую составляющую-колоратив *зеленый* в составе русских фразеологизмов, который символизирует молодость, юность и неопытность: *зеленый возраст, зеленая молодежь, молодо-зелено, зеленый новичок* [4. С. 8; 8. С. 186].

Незрелость (для фруктов): в рассматриваемых языках зеленый цвет обозначает незрелость и неспелость плодов и фруктов — *зеленая клубника*.

3. Маркеры интенсивных негативных эмоций: «зависть/болезнь», «тоска», «зло». *Зависть и болезнь* — в анализируемых лингвокультурах зеленый и желтый цвета приобретают отрицательные коннотации в контексте зависти и болезни. В современной русской речи устойчивое выражение «позеленеть от зависти» характеризует крайнюю степень этого чувства и является одним из наиболее частотных способов передачи метафоры зависти — «Он (она) позеленел(а) от зависти» [18. С. 2317–2321]. Оборот «позеленеть от злости» встречается реже и преимущественно в книжной или художественной речи. В современном русском языке выражение «желтый от зависти» не используется, что отличает его от некоторых других европейских языков.

В персидской лингвокультуре для выражения влияния зависти или болезни на внешний вид преобладает использование метафоры желтизны лица «пожелтеть от зависти», также желтизна объясняется болезнью, слабостью или страхом [17. С. 1197]. Глагол «желтеть» часто используется в переносном значении — изменение цвета лица вследствие болезни, страха или зависти, а иногда и неожиданного появления [15. С. 6]. В обоих языках желтизна лица может быть признаком внутреннего дисбаланса и скрытых страданий: «желтизна лица свидетельствует о боли в сердце», «цвет лица говорит о состоянии души» [16. С. 423]. Кроме того, в ситуации проклятия в персидском языке используется выражение «Пусть твое лицо пожелтеет» в значении пожелания болезни и бледности [22. С. 129].

Тоска, страдание, уныние. В русской метафорике для описания глубокого страдания или крайнего уныния встречается словосочетание «зеленая тоска», однако в современной речи оно почти вытеснено более экспрессивным оборотом «желтая тоска», который обозначает крайнюю степень подавленности, апатии и безысходности [4. С. 11]. В данном случае желтый цвет символизирует болезненность, утрату жизненных сил, подобно пожелтевшим увядшим листьям или заболевшему

человеку [8. С. 186]. Желтизна лица в русском языке также ассоциируется с усталостью, тревогой, страхом или болезненным состоянием («пожелтеть от страха», «желтое лицо») [Там же]¹.

В персидском языке метафорическое соединение тоски и желтого цвета не является стандартным и устойчивым [17. С. 1197; 26. С. 818]. Желтый цвет ассоциируется с физическим упадком, болезненностью и осенним увяданием, но не с эмоциональными страданиями или тоской. Исторически примечательно использование зеленого цвета как маркера утраты и скорби: древнеперсидский термин «сабзхана» (букв. «зеленый дом») означал место для траура и поминаения покойных, однако в современной иранской речи этот смысл практически утрачен [18. С. 2317–2321].

Зло. В обоих языках цвет глаз и их метафорика становятся маркерами зла и недобрых намерений, но символика цвета различается. В русской культурной традиции устойчивым маркером зла выступает фразеологизм «черный глаз». Черный цвет ассоциируется с ночью, тьмой, магией и способностью навлекать несчастья: «черный глаз, не гляди на нас, не сглазь!» [10. С. 6–7]. Образ «черных глаз» связан с пессимизмом, злым началом, суеверием и страхом перед дурным взглядом. Подмена цветового компонента на прилагательные с явной негативной семантикой — «дурной», «недобрый» — только усиливает отрицательную символику.

В персидской лингвокультуре отрицательная эмоциональная окраска иногда передается словосочетанием «зеленые глаза» как маркер крайней степени зла или дурной судьбы [18. С. 2317–2321]. Однако использование этой метафоры сравнительно редкое и, главным образом, свойственно поэтическому или архаическому контексту. В русской лингвокультуре черный цвет в метафоре «черный глаз» символизирует траур, злую силу и недоброе предзнаменование, что отражает негативную оценку этого цвета в системе языковых образов [4. С. 8].

4. Связь с алкоголем и его последствия: в ряде устойчивых выражений зеленый цвет ассоциируется с алкоголем и алкогольной зависимостью; выражения типа «зеленый змий» указывают на критическую стадию опьянения и патологические проявления злоупотребления. В персидской лингвокультуре значение *sabze qaba* (в зеленом кафтане) ассоциируется с пьяным человеком [13. С. 180].

5. Обозначение разрешения и безопасности: в исследуемых языках зеленый цвет традиционно связывается с понятием открытости, возможности для движения, отсутствия препятствий: зеленая улица, зеленый свет в русском языке и зеленый свет в персидском [4. С. 8].

В персидском языке словосочетание *зеленый сад* функционирует как метафора здоровья, жизненной силы и благополучия человека [18. С. 2317]. Между тем в персидском языке фразеологизм «показывать (кому-л?) зеленый сад» приобретает отрицательный оттенок, используется в значении (вводить в заблуждение, давать пустые обещания, обманывать), т.е. описывает ситуацию создания ложных надежд посредством привлекательных, но недостижимых перспектив.

6. Символика доллара США: относительно недавно зеленый цвет приобрел значение материального благополучия и денежных средств. «Зелень» и «зеленые» обозначают валюту — доллар США; это значение оформилось в конце 1980–1990-х годах [5. С. 47–49].

7. Щедрость и благотворительность: в персидской фразеологии есть выражение «у него зеленая рука». Так называют человека, который щедр или совершает добрые дела [18. С. 2317–2321]. Фразеологизм «зеленое дело» обозначает чьи-то добрые и хорошие поступки [Там же]. В русской речевой культуре ни один цвет не выражает значение щедрости и великодушия. Для передачи этого понятия используются прилагательные и описательные характеристики.

8. Пожелание добра и благополучия: персидские фразеологизмы «оставайтесь зеленым!», «пусть твоя рука будет зеленой», «пусть твоя голова будет зеленой» и др. выражают пожелания

¹ Об этом также см.: *Шафаги М.* Семантическое поле экспрессивов, обозначающих печальные состояния // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2025. Т. 13 (2). С. 131–148.

See: *Shafagi M.* Semanticheskoe pole ekspressivov, oboznachaiushchikh pechal'nye sostoiania // Issledovatel'skii zhurnal russkogo iazyka i literatury. 2025. T. 13 (2). S. 131–148.

счастья, благополучия и процветания для ситуативного коммуниканта [13. С. 180; 26. С. 851]. В русском языке прямых аналогов для данного значения нет.

Идиому «пусть твоя голова будет зеленой!» Фердоуси использует в значении пожелания благополучия, долголетия и процветания (благопожелание), что является характерной метафорой для персидской поэзии, продолжающей свою жизнь в системе фразеологизмов [22. С. 129]. «Пусть твоя голова будет зеленой, а сердце — радостным; пусть тело будет (как у) коршуна вдали от дурных домыслов» [23]. В данном стихе коршун выступает метафорой, обозначающей героя-воителя из «Шахнаме».

В тринадцатый день праздника Навруза женщины завязывают узлы на траве (зелень) и в качестве доброго пожелания произносят следующие строки: «Твоя зелень — мне, моя желтизна — тебе» [16. С. 471]. Эта метафорическая формула-оберег выражает желание, чтобы свежесть и радость зелени перешли к говорящему, а напротив, болезнь и бледность (желтизна) покинули его и ушли прочь, т.к. «зеленый» означает здоровье, радость и счастье. Благопожелательная фраза «Будьте зеленым!» употребляется в значении «Добро пожаловать!» [26. С. 851]. Кроме приведенного стиха, в день праздника огня, который отмечается в ночь последней среды года, иранцы произносят следующую формулу, перепрыгивая через огонь: «Твоя краснота — мне, моя желтизна — тебе». Как и предыдущий стих, эта метафорическая формула выражает пожелание здоровья и благополучия в наступающем году.

9. Религиозно-мифологические значения. Зеленый цвет в Древнем Иране охватывал широкий спектр символических значений — от мифологии, связанной с митраизмом, и зороастрийского монотеизма до героико-эпического костюма. Эти традиции интерпретации и использования цвета сохраняются до наших дней, проникая во все сферы жизни иранцев — от поэзии и классической литературы до разных областей быта в постисламский период.

Зеленый цвет для обозначения неба. Исследуя древние верования и источники в иранской литературе и научных источниках, обнаруживаем, что существовали интересные верования относительно зеленого цвета, а также цвета неба [19. С. 422]. В зороастрийской мифологии небо описывается как лес в зеленом цвете, из его зелени были созданы спермы людей и быка [25. С. 41]. В поэтических и прозаических памятниках персидской литературы описание неба как «зеленого» встречается настолько часто, что почти все древние поэты, обозначали этим цветом особый оттенок синего, соответствующий современному понятию «небесно-голубой» [24. С. 255]. Зеленый цвет и его колорит (*ахзар, хазра, изумрудный, хризолитовый, с медным оттенком*), а также оттенки, близкие к современному небесно-голубому (*индиговый, лазурный, темно-синий, азрак, миновий, бирюзовый, метафора «цвет воды»*), издавна использовались в персидской литературе для описания неба. В поэтическом языке эпитет «цвета воды» (*абгун* — подобно воде) нередко относился к небу. Метаформа «зеленый павлин» означает «небесный свод» [18. С. 2317–2321].

Семантическое пересечение цветов зеленого и голубого в персидской литературе обусловлено тем, что в традиционном персидском мировосприятии, как и у ряда других народов, не существовало четкого различия между этими двумя цветами. Именно поэтому оба цвета обозначались одним и тем же термином, что, в частности, проявляется и в названиях природных объектов, например моря [Там же. С. 46]. Аналогичные особенности лексического обозначения цветов отмечаются также, например, в английском языке и в языке тарахумара [2. С. 63].

Однообразие жизни везде по всему миру. Пословица «Куда бы ты ни пошел, небо везде одного цвета» является метафорой однообразия, отсутствия перемен и ощущения безнадежности [26. С. 101].

Религиозный оттенок зеленого цвета в Персии. Одним из древнейших религиозных ритуалов в Древнем Иране (Персии) является ритуал Митра, согласно которому зеленый цвет символизирует борьбу с темнотой: Фрейдун-кузнец в зеленой рубашке борется с Заххаком [20. С. 20].

Соруш — ангел, носящий зеленое одеяние, подчеркивающее его небесное и священное существо [Там же. С. 22]. В древнем Иране белый цвет является символом девственности и богини Анахита, а зеленый — символом материнства (женщина воспринималась как символ земли), богини Спандармаз и плодородия [3. С. 87]. Поэтому до свадьбы невеста носила белое платье, а в день бракосочетания — зеленое [19. С. 87]. Зеленый цвет, с одной стороны, ассоциируется с Хызр и цветом одежды обитателей рая, а с другой — с жизнью, свежестью и обновлением в природе [21. С. 62]. Комплекс «Пир Сабз» (зеленый старик) считается одним из почитаемых культовых мест зороастрийцев Ирана в г. Язде. Сочетание слов «пир» (старейшина) и «зеленый» символически отсылает к семи ступеням духовного совершенствования в митраизме и указывает на то, что носитель данного эпитета прошел все семь этапов развития.

В русском языке фраза «елки зеленые» функционирует как экспрессивное выражение удивления, досады или раздражения [8. С. 186]. Следует отметить, что в персидской языковой культуре аналогичных примеров употребления зеленого цвета в функции экспрессивного междометия не обнаруживается.

В русском языке выражение «зеленое счастье» представляет собой идиоматическое сочетание, зафиксированное преимущественно в разговорной речи и публицистике. Данная конструкция обычно употребляется в ироничном или саркастическом контексте для обозначения сомнительных, мимолетных или неустойчивых радостей, а иногда и особых проявлений удачи, связанных со случайностью или нелепым стечением обстоятельств. В отдельных случаях «зеленое счастье» может подразумевать фальшивое, иллюзорное чувство удовлетворения, ассоциируемое с завистью или неосознанной наивностью.

Следует подчеркнуть, что в персидской языковой культуре эквивалентного выражения с аналогичной смысловой нагрузкой не существует: в персидском языке словосочетание «зеленый цвет» с понятием «счастье» не формирует устойчивых метафор или идиом, выражающих ироничное, амбивалентное или негативное отношение к счастью. Таким образом, идиома «зеленое счастье» демонстрирует специфику и уникальность русской метафорики, связанной с цветообозначением эмоций и состояния человека.

В разных культурно-языковых традициях метафора заходящего солнца может реализовываться через разные цветовые коды: если в одной традиции закат ассоциируется с «позеленением» солнца [18. С. 2319], то в другой — с его «пожелтением» [17. С. 1197]. Данное разное цветовое осмысление подчеркивает культурную обусловленность цветовых метафор, а также свидетельствует о вариативности когнитивных моделей восприятия природных явлений.

В персидском языке выражение «зеленое слово» закрепилось как положительная метафора, обозначающая речь или высказывание, имеющее особую значимость, влияние и жизнеутверждающую силу. Такое словосочетание часто употребляется для характеристики слов мудрого или уважаемого человека, чья речь воспринимается как благотворная, вдохновляющая и связанная с идеями обновления или духовного процветания [18. С. 2317–2321]. В поэтических и религиозных текстах «зеленое слово» также может относиться к словам, несущим значение надежды, света и гармонии. Следует отметить, что в русской языковой традиции прямого эквивалента или устойчивого идиоматического выражения, аналогичного указанной идиоме, не существует.

Таким образом, коннотативное значение зеленого цвета в русском и персидском языках формируется под влиянием уникальных культурных, религиозных и историко-бытовых факторов. Для обеих лингвокультур характерна устойчивая ассоциация «зеленого» с природой, жизнью, молодостью и обновлением. Однако в русском языке отмечается большая многозначность и амбивалентность: «зеленый» связывается не только с положительными, но и с нега-

тивными явлениями — незрелостью, завистью, болезнью. В персидском языке по-прежнему доминируют сакральные и благожелательные смыслы (жизнь, удача, бессмертие), однако и здесь не исключены отрицательные значения (зависть, печаль, зло). Таким образом, несмотря на общее семантическое ядро, в обеих традициях наблюдается преобладание негативной коннотации зеленого цвета, что указывает на сложную и неоднозначную структуру его символики.

Литература

1. Nowaczyk M. Semantic and structural analysis of lexis denoting color in Russian language // Journal of Education, Health and Sport. 2017. Vol. 7 (4). P. 287–295.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. 5-е изд., стер. М.: Флинта, 2016. 288 с.
3. Бектаева А.Э. Цветотерапия: психология цвета // Проблемы современной науки и образования. 2020. № 2 (147). С. 84–92.
4. Болотина М.А., Шабашева Е.А. Символика цвета в русском и английском языках: когнитивно-дискурсивные аспекты лингвистических исследований // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. 2011. Вып. 2. С. 7–12.
5. Го Цинцзян. Концепт «зеленый» в русской национальной картине мира на фоне китайской // Весник БДУ. 2008. № 2. С. 46–49.
6. Кульпина В.Г. Программа спецкурса «Актуальные проблемы лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания» // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 197–206.
7. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета как ключ к пониманию и переводу образной структуры художественного текста // Вестник МГУ. Сер. 22. Теория перевода. 2023. Т. 16. № 3. С. 52–71.
8. Маркова Е.М. Форма и семантика общих лексем в славянских языках: единство и противоречия // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.) / редкол.: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др.: в 15 т. Т. 11. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. 289 с.
9. Тихонова И.Б. Метафора цвета в профессиональном дискурсе // Вестник Кемеровского государственного ун-та. 2022. Т. 24 (1). С. 129–137.
10. Томислав Ж. Русские фразеологизмы с «черным цветом» в качестве компонента. Zagrebu, 2022.
11. Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 170 с.
12. Шачнев А.В. Психология цвета в печатной рекламе // Наука, образование и культура. 2021. № 1 (56).
13. Ахмади Мортеза. Словарь жаргонов людей на улицах: Особые слова, выражения, устойчивые обороты и пословицы Тегерана. Тегеран: Хила, 2014.
14. Остовар Мосейб. Цвет. Тегеран: Разнаме, 2012.
15. Анжуй Ширази, Сейед Абулькасым. Иранские сказки. Тегеран: Амир-Кабир, 1976.
16. Анвари Хасан. Словарь пословиц «Сохан» / сост. Хасан Анвари и др. Тегеран: Сохан, 2005. Т. 2.

References

1. Nowaczyk M. Semantic and structural analysis of lexis denoting color in Russian language // Journal of Education, Health and Sport. 2017. Vol. 7 (4). P. 287–295.
2. Alefirenko N.F. Lingvokul'turologiia: tsennostno-smyslovoe prostranstvo iazyka: ucheb. posobie. 5-e izd., ster. Moscow: Flinta, 2016. 288 s.
3. Bektaeva A.E. Tsvetoterapiia: psikhologiiia tsveta // Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniia. 2020. No. 2 (147). S. 84–92.
4. Bolotina M.A., Shabasheva E.A. Simvolika tsveta v russkom i angliiskom iazykakh: kognitivno-diskursivnye aspekty lingvisticheskikh issledovaniia // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo un-ta im. I. Kanta. 2011. Vyp. 2. S. 7–12.
5. Go Tsintszian. Kontsept «zelenyi» v russkoi naivnoi kartine mira na fone kitaiskoi // Vesnik BDU. 2008. No. 2. S. 46–49.
6. Kul'pina V.G. Programma spetskursa «Aktual'nye problemy lingvistiki tsveta kak nauchnogo napravleniia sopostavitel'nogo iazykoznaniiia» // Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. 2008. No. 2. S. 197–206.
7. Kul'pina V.G. Lingvistika tsveta kak kluch k ponimaniiu i perevodu obraznoi struktury khudozhestvennogo teksta // Vestnik MGU. Ser. 22. Teoriia perevoda. 2023. T. 16. No. 3. S. 52–71.
8. Markova E.M. Forma i semantika obshchikh leksem v slavianskikh iazykakh: edinstvo i protivorechiia // Russkii iazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury: materialy XIII Kongressa MAPRIaL (g. Granada, Ispaniia, 13–20 sentiabria 2015 g.) / redkol.: L.A. Verbitskaia, K.A. Rogova, T.I. Popova i dr.: v 15 t. T. 11. St. Petersburg: MAPRIaL, 2015. 289 s.
9. Tikhonova I.B. Metafora tsveta v professional'nom diskurse // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo un-ta. 2022. T. 24 (1). S. 129–137.
10. Tomislav Zh. Russkie frazeologizmy s «chernym tsvetom» v kachestve komponenta. Zagrebu, 2022.
11. Shakhovskii V.I. Iazyk i emotsii v aspekte lingvokul'turologii: ucheb. posobie. Volgograd : Izd-vo VGPU «Peremena», 2009. 170 s.
12. Shachnev A.V. Psikhologiiia tsveta v pechatnoi reklame // Nauka, obrazovanie i kul'tura. 2021. No. 1 (56).
13. Akhmadi Morteza. Slovar' zhargonov liudei na ulitsakh: Osobyie slova, vyrazheniia, ustoiichivye oboroty i poslovitsy Tegerana. Tegeran: Khila, 2014.
14. Ostovar Moseib. Tsvet. Tegeran: Razname, 2012.
15. Anzhui Shirazi, Seied Abul'kasym. Iranskii skazki. Tegeran: Amir-Kabir, 1976.
16. Anvari Khasan. Slovar' poslovits «Sokhan» / sost. Khasan Anvari i dr. Tegeran: Sokhan, 2005. T. 2.

17. *Анвари Хасан*. Краткий словарь «Сохан» / под ред. Хасана Анвари. Тегеран: Сохан, 2003. Т. 1.

18. *Падшах Мухаммад*. Полный персидский словарь / под ред. Мохаммада Дабира Сияки. 2-е изд. Тегеран: Книжный магазин Хайям, 1984.

19. *Хадж Мохаммади Расул, Мохаммади Голбаги Нариман, Шейх Сафай Али*. Голубое или зеленое небо? // Сб. статей X Междунар. конф. по распространению персидского языка и литературы, Университет Мохажер Ардебил. 4–6 сентября 2015 г.

20. *Денеш Казем, Хазай Мохаммад*. Символика зеленого цвета в иранско-исламской культуре и искусстве // Ежеквартальный журнал факультета искусств Университета имени Чамрана Ахваз. 2020. Т. 9. № 19. С. 18–29.

21. *Резаии Мохаммад, Могими Наргес*. Анализ концептуальных метафор в персидских пословицах // Риторико-лингвистические исследования. 2013. Т. 4. С. 91–116.

22. *Рухани Захра, Гобад Хоссейнали, Бозорг Бигдели Саид*. Сравнительный анализ тематики, лексики и синтаксиса молитв и проклятий в «Шахнаме» (на примере историй о Рустаме и Эсфандиаре, Камусе Кешани) // Научный журнал по стилистике персидской поэзии и прозы. 2021. Т. 14. Вып. 68. С. 117–131.

23. *Фердоуси Абулькасем*. Шахнаме / под ред. Саида Хамидиана. 10-е изд. Тегеран: Катаре, 2009.

24. *Фахри Табатабаи Насер*. Мифологические значения цвета в поэзии Ахавана Салеса // Журнал по истории литературы. 2022. Т. 2. № 2 (86). С. 235–257.

25. *Фарнабах Дадеги*. Бундахишн / пер. Мехррод Бахар. Тегеран: Тоус, 1999.

26. *Наджафи Абулхасан*. Словарь разговорного персидского языка. Тегеран: Нилуфар, 2020.

17. *Anvari Khasan*. Kratkii slovar' «Sokhan» / pod red. Khasana Anvari. Tegeran: Sokhan, 2003. T. 1.

18. *Padshakh Mukhammad*. Polnyi persidskii slovar' / pod red. Mokhammadada Dabira Siiaki. 2-e izd. Tegeran: Knizhnyi magazin Khaiiam, 1984.

19. *Khadzh Mokhammad Rasul, Mokhammad Golbagi Nariman, Sheikh Safai Ali*. Goluboe ili zelenoe nebo? // Sb. statei X Mezhdunar.konf. po rasprostraneniui persidskogo iazyka i literatury, Universitet Mokhageg Ardebili. 4–6 sentiabria 2015 g.

20. *Denesh Kazem, Khazai Mokhammad*. Simvolika zelenogo tsveta v iransko-islamskoi kul'ture i iskusstve // Ezhekvartal'nyi zhurnal fakul'teta iskusstv Universiteta imeni Chamrana Akhvaz. 2020. T. 9. No. 19. S. 18–29.

21. *Rezaii Mokhammad, Mogimi Narges*. Analiz kontseptual'nykh metafor v persidskikh poslovitsakh // Ritoriko-lingvisticheskie issledovaniia. 2013. T. 4. S. 91–116.

22. *Rukhani Zakhra, Gobadi Khosseinali, Bozorg Bigdeli Said*. Sravnitel'nyi analiz tematiki, leksiki i sintaksisa molitv i proklatii v «Shakhname» (na primere istorii o Rustame i Esfandiare, Kamuse Keshani) // Nauchnyi zhurnal po stilistike persidskoi poezii i prozy. 2021. T. 14. Vyp. 68. S. 117–131.

23. *Ferdousi Abul'kasem*. Shakhname / pod red. Saida Khamidiana. 10-e izd. Tegeran: Katara, 2009.

24. *Fakhri Tabatabai Naser*. Mifologicheskie znachenii tsveta v poezii Akhavana Salesa // Zhurnal po istorii literatury. 2022. T. 2. No. 2 (86). S. 235–257.

25. *Farnabakh Dadegi*. Bundakhishn / per. Mekhrrod Bakhar. Tegeran: Tous, 1999.

26. *Nadzhafi Abulkhasan*. Slovar' razgovornogo persidskogo iazyka. Tegeran: Nilufar, 2020.

Шафаги Марьям,

доцент кафедры русского языка
Университет им. Алламе Табатабаи (Тегеран, Иран)

Shafaghi Maryam,

Associate Professor of the Russian Language Department
University named after Allame Tabatabai (Tehran, Iran)

e-mail: shafaghi@atu.ac.ir

Статья поступила: 18.07.2025

Принята к печати: 05.09.2025